

DOI: 10.31425/0042-8795-2022-6-

К. К. Вагинов. Козлиная песнь: Роман / Под ред. Д. М. Бреслера, А. Л. Дмитренко, Н. И. Фаликовой. СПб.: Вита Нова, 2019. 424 с.

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ГУСЬКОВ**

кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный
университет
(199034, Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9;
email: n.guskov@spbu.ru)

Аннотация. Рецензия посвящена публикации первого романа К. Вагинова «Козли-

ная песнь» («Вита Нова», 2019). Издание подготовлено Д. Бреслером, А. Дмитренко, Н. Фаликовой; как его оформление, так и содержание оценены, несмотря на ряд замечаний, высоко, особенно ценны сопроводительные статьи Н. Николаева, И. Хадикова и А. Дмитренко.

Ключевые слова: К. Вагинов, XX век, русская литература, советская литература, текстология.

Рецензия поступила 17.03.2022.
© 2022, Н. А. Гуськов

Проза К. Вагинова перепечатывается часто, но наиболее авторитетное собрание его сочинений, подготовленное Т. Никольской и В. Эрлем, вышло в 1999 году, и с той поры накопилась обширная литература о творчестве писателя. Ощущается потребность в обобщении полученных выводов. Эта задача и одновременно попытка популяризировать наследие романиста, круг почитателей которого неширок, весьма успешно осуществлены издательством «Вита Нова». Публикация в серии «Рукописи» «Козлиной песни» (первого романа Вагинова) заслуживает серьезного внимания.

Привлекает уже богатый и изящный внешний вид тома, оформленного на высоком уровне типографского искусства, как и многие книги, выпущенные этим издательством (из-за своей стоимости доступные, увы, немногим). Иллюстрации гармонично дополняют произведение: Е. Посецельская удачно сочетает две стилистические манеры, нераздельно присущие образному миру Вагинова, — авангардный примитивизм 1920-х годов и традиции «петербургского текста».

Значительность содержания не уступает эффектности оформления. Правда, есть существенный недостаток — отсутствие биографической заметки или хроники (вопреки традиции, сложившейся в серии «Рукописи»), ведь личность и судьба Вагинова постоянно отражаются в его сочинениях, а при этом мало известны публике, не говоря уже о прототипах персонажей: «Козлиная песнь» — во многом «роман с ключом», большинство же окружавших автора фигур забыты. Зато публикация сопровождается двумя статьями, придающими особую ценность рецензируемому изданию, и обширным комментарием, который обобщает существующие представления о произведении, а порой и вступает с ними в спор, не всегда, впрочем, убедительно. Наиболее дискуссионной представляется текстологическая концепция публикаторов.

Так, в собраниях прозы Вагинова источником итогового текста «Козлиной песни» считался экземпляр печатного издания 1928 года с авторскими пометами и вставками, хранящийся в ИРЛИ РАН. Согласно предположению Никольской и Эрля, правка отражает подготовку новой публикации, не осуществленной «Издательством писателей в Ленинграде». А. Дмитренко и Д. Бреслер пересмотрели текстологические принципы предшественников: они сомневаются в том, что Вагинов планировал повторно издавать роман, и считают, что непрерывная правка не стремится к завершенным формам,

поскольку такова особенность творческой манеры данного писателя (с. 282–290). Первое суждение исходит из восприятия литературной ситуации 1929 года как очевидно бесперспективной, но противоречит заявлению Вагинова в президиум издательства (с. 282); второе — опирается на сопоставление с текстом, считающимся итоговым, иных источников (еще один сохранившийся печатный экземпляр с авторской правкой, пометы в печатном экземпляре следующего романа — «Труды и дни Свистонова»).

Новая текстологическая гипотеза интересна и открывает перспективы для интерпретаций, но выражена недостаточно четко и обоснована не слишком убедительно. Нельзя согласиться с тем, что цензурные преследования и коммерческая убыточность книг Вагинова внушали ему мысль о неосуществимости переизданий. Конфликты с цензорами казались тогда привычными препятствиями, вполне преодолимыми при частых переменах идеологической обстановки. Переписка и дневники ленинградских литераторов показывают, что они не подозревали, сколь радикально преобразует их судьбы «год великого перелома». Е. Замятин даже не счел нужным прервать курортный отдых, когда началась кампания, вызванная выходом его романа «Мы» за границу и приведшая к исключению автора из Всероссийского союза писателей и реорганизации этого объединения. Не исключено, что попытка сразу же переломить полемику в свою пользу или хотя бы направить ее в иное русло удержала бы многих литераторов от высказываний, которые сделали их идеологическими заложниками властей, когда кампания распространилась на всю творческую сферу, став необратимой.

В 1929–1930 годах усиление политической реакции не обуздывало самых смелых и коммерчески бесперспективных литературных проектов. Тот же Замятин выпустил коллективный сборник «Как мы пишем», большинство участников которого осуждались критикой. Близкие Вагинову члены ОБЭРИУ и ученые только что разгромленной формальной школы активно готовили книгу «Ванна Архимеда». К. Федин полагал, что для «Издательства писателей в Ленинграде» настало наилучшее время (см., например, его письмо М. Слонимскому от 24 июня 1929 года), пытался провести через цензуру сборник стихов А. Ахматовой, которую не печатали уже 6 лет, и официально предложил Вагинову переиздать «Козлиную песнь». Почему тот в описанной обстановке должен был усомниться?

Впрочем, даже если правка не предназначалась для переиздания, почему ее не следует считать окончательной? Несомненно, надо учитывать наряду с книжной версией журнальную, рукописные авторизованные пометы и вставки во всех уцелевших экземплярах, но наименование перечисленных вариантов «тримя синхронными “срезами” авторского текста в процессе его эволюции» (с. 291) слишком парадоксально. Стоит ли считать варианты, завершенные в разное время, хоть и в течение краткого периода, синхронными и, если это так, правомерно ли говорить об эволюции?

При высказанных сомнениях способы представления текста в рецензируемом издании сами по себе не только правомерны, но и весьма интересны. Публикаторы стремятся продемонстрировать работу автора над романом во всей полноте и с наибольшей наглядностью. Выделение фрагментов каждой из версий искусно примененными типографскими средствами дает исключительную возможность, не заглядывая поминутно в концевые примечания, зримо ощутить творческий процесс и поразмыслить над ним. В этом отношении новое издание заметно дополняет наиболее авторитетные из прежних.

Комментарий к роману своеобразен. Главная его цель — обобщение пояснений и интерпретаций, высказанных в работах о «Козлиной песни», — достигнута вполне. Такой подход, конечно, допустим и полезен для исследователей творчества Вагинова, но обилие противоположных трактовок одного и того же фрагмента порой запутывает его смысл. При понятном нежелании отдать предпочтение какой-либо из интерпретаций, быть может, не стоило включать самые произвольные и сомнительные, например имен Мария и София (с. 296–297), отчества Ардальоновна (с. 317), фамилии Агафонов (с. 337, 340) и т. п. Многие места, вызывающие вопросы у любознательного читателя и пока не объясненные литературоведами, оставлены без внимания и все еще ожидают комментатора. Так, в примечании к строкам о том, что Тептелкин «жил на второй улице Деревенской Бедноты. Травка росла меж камней, и дети пели непристойные песни» (с. 18), сообщено только, что данная улица называется с 1935 года (то есть уже после смерти Вагинова) Мичуринской (с. 297). Это мало дает читателю, даже петербуржцу. Полезнее было бы узнать, как называлась улица прежде (в 1828–1918 годах — Малая Дворянская; Вагинов намеренно, не без сарказма, указывает советские названия, которые должны в восприятии публики коррелировать с упраздненными), дей-

ствительно ли она выглядела контрастно своему старому имени, жил ли там прототип Тептелкина Л. Пумпянский (в адресных книгах не указано) и, если нет, зачем писатель поселил туда героя; почему упомянуто пение детьми непристойных песен (если вспомнить интерес автора к городскому фольклору, не исключено, что он намекал на конкретный репертуар).

Неполнота подобных примечаний досадно контрастирует с превосходным комментарием к роману в обеих статьях, замыкающих том. Одна из них написана в увлекательной популярной манере, другая в лучших традициях петербургского академического стиля, но обе служат образцовыми примерами того, сколь плодотворно можно использовать для глубокого литературоведческого анализа результаты изысканий в области краеведения в одном случае и биографики — в другом.

И. Хадииков и А. Дмитренко собрали сведения о пребывании Вагинова и прототипов его персонажей в Петергофе, реконструировали их маршруты и прокомментировали описания бывшей императорской резиденции. Препятствиями для этого нелегкого труда явились те страшные разрушения, которые претерпел Петергоф во время Великой Отечественной войны: большинство рассматриваемых в статье объектов находились на линии огня и в настоящее время не существуют. Пользуясь краеведческой литературой, старыми фотографиями и рисунками, воспоминаниями старожилов, исследователи воскрешают в воображении читателей навсегда ушедшие в прошлое уголки Петергофа. Однако статья с остроумным заглавием «Вдоль линии Вагенгейма, или Петергофский травелог Вагинова. Заметки на полях “Козлиной песни”» имеет не только психологическое и эстетическое, но и важное научное значение. Реконструкция выявила, что некоторые привычные представления, в том числе отраженные в авторитетных работах о «Козлиной песни», ошибочны, поскольку ориентируются на нынешний, а не современный Вагинову облик Петергофа. Исправления и уточнения краеведческого комментария объяснили ряд «темных мест» романа, логических противоречий и одновременно обнаружили новые интересные подтексты.

Аналогична и статья «Тептелкин и другие в романе Константина Вагинова “Козлиная песнь”», посвященная памяти искусствоведа из «вагиновского круга» В. Петрова. Н. Николаев, учитывая обширный биографический материал от документов до преданий, проанализировал образы ряда персонажей и убедительно показал, в какой степени они являются

отражением прототипов (М. Бахтина, Л. Пумпянского, самого Вагинова), а в какой — воплощением иных творческих задач. Эти наблюдения ценны для изучения деятельности романиста и видных литературоведов, для понимания их взаимоотношений, мировоззрения и роли в развитии гуманитарного знания XX века, но главное — статья заметно корректирует расхожие интерпретации произведения, утвердившиеся даже в научных трудах. Нагляднее обнаружилась многогранность «Козлиной песни»: наряду с планами, которые обычно привлекают преимущественно филологов (роман «с ключом», карнавальная «мениппова сатира», завершение «петербургского текста», изображение интеллигенции в ранний советский период), отчетливее выделяются вечные проблемы «идеологического романа», «романа-трагедии» — трагедия творческой личности, гибель очередного цикла культуры и судьбы ее носителей, в разной мере готовых и способных ее защитить и сохранить. В таком ракурсе «Козлиная песнь» предстает не только неоднозначным, но и чрезвычайно актуальным произведением, предсказавшим некоторые из острейших коллизий наших дней.

Остальные романы Вагинова не менее глубоки и современны. Применение к ним принципов, использованных при подготовке рецензируемого издания, явило бы еще немало ценного для науки, важного и интересного для неравнодушных читателей. Хотелось бы, чтобы и эти произведения пополнили собою серию «Рукописи» издательства «Вита Нова».